

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ВОПРОСЫ СТИЛИСТИКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ В «УЧЕНЫХ ЗАПИСКАХ»
И «ТРУДАХ» (1955—1957)

Статьи в «Ученых записках» и «Трудах», посвященные языку писателей, говорят о большой исследовательской работе советских языковедов. Они содержат яркий иллюстративный материал, оригинальные наблюдения, убедительные в ряде случаев комментарии. Многие страницы заняты описанием стилистических функций лексических и грамматических средств, определением закономерностей образного словоупотребления, изучением работы писателей над черновыми редакциями произведений, обобщением поучительных высказываний о слове выдающихся его мастеров. Нет сомнения, что назрела необходимость создания теоретических основ эстетики слова, решения вопроса, который, как свидетельствует акад. В. В. Виноградов, предусматривает выяснение взаимоотношений науки о языке писателей «с историей литературного языка, с одной стороны, с историей литературы, с другой, со стилистикой и теорией художественной речи, с третьей»¹. Согласно выдвинутому положению, язык писателей должен изучаться в связи с историей общенародного и литературного языка, в русле тех языково-стилистических традиций и особенностей, какими характеризуются различные направления, при широком и всестороннем учете возможных в языке и стиле писателя аналогий, соответствий, контрастов и родственных связей.

В какой же степени отвечают требованиям научного анализа языка художественных произведений материалы, публикуемые в «Ученых записках»? Уже при беглом ознакомлении с содержанием их бросается в глаза известная однолинейность, «серийность» статей, которая обнаруживается, например, в особом пристрастии авторов к такому компоненту речевого строя произведений, каковым является лексика. Мнение, будто языково-стилистическое своеобразие писателя проследивается лишь в лексике, превалирует в области изучения словесной ткани художественных произведений². Именно с ним связано появление диссертаций и статей на одноименные темы, со стереотипными названиями и приемами выполнения. Критику утвердивший своего рода шаблонов, мы не хотим сказать, что лексику следует исключить из поля зрения исследователей художественной речи. О стилистических функциях лексических категорий в «Ученых записках» есть интересные работы, например статья Г. А. Шелюто «Лексика иноязычных в революционно-демократической литературе 60-х гг.»³. Автор занялся не шаблонной и мало плодотворной классификацией «измов», а выяснением закономерностей метафоризации и естественно-научной лексики в публицистических стилях второй половины XIX в. Такое изучение обогащает и историю русского литературного языка, и теорию художественной речи. Интересна статья М. М. Орлова «Славянизмы в произведениях Н. Г. Помаловского»⁴. В ней исследуются функции таких славянизмов, которые, сохранив связь с церковно-книжной традицией, получили название церковно-служительского жаргона. К недостатку работы относится тот факт, что М. М. Орлов подошел к объяснению стилистических функций славянизмов исключительно с позиций «общественного миро-

¹ В. В. Виноградов. Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы, ИАН ОЛЯ, 1957, вып. 5, стр. 407.

² См. С. А. Савицкая, Язык художественных произведений, «Труды Одесского ун-та», т. СXLVI, вып. 5, 1956, стр. 95; А. Я. Рожанский, Объект и содержание лингвистической стилистики, «Уч. зап. [1-го МПНИИЯ]», т. X, 1956, стр. 219—220.

³ «Доповіді та повідомлення Ужгородськ. ун-ту», № 1, 1957.

⁴ «Уч. зап. [Ростовск.-на-Дону ун-та]», т. LI, вып. 5, 1957.

воззрения Помяловского» (стр. 150) и не учел специфику закономерностей развития литературного языка второй половины XIX в.¹

Полезны для историка литературного языка наблюдения над пародийно-сатирической функцией славянизмов, проведенные в статьях Е. В. Мухомовой «Славяно-кишная лексика, ее стилистические функции и приемы использования в языке иронико-комических поэм В. Майкова и М. Чулкова»², В. А. Сиротиной «Речевые средства сатиры в «Русских сказках» А. М. Горького»³ и О. А. Шестаковой «О некоторых лексико-стилистических особенностях статей и памфлетов А. М. Горького об Америке»⁴. Вместе с тем, читая последнюю статью, нельзя не обратить внимание, что славянизмами именуются такие слова (*праздник, чрево, деяние*), которые по своим стилистическим качествам таковыми уже не являются.

Что же касается другой и немалой части статей, то стилистические функции лексических пластов разрабатываются там без должной квалифицированности. Обратимся к работе И. Ф. Кузнецова «Из наблюдений над языком и стилем басен Демьяна Бедного»⁵. Автор перечислил «сверховую терминологию»: *обитель, затворница, келья, питие, ерад, руци, ножи, придоша*, указал на «редко» и «часто» встречающиеся «просторечия», «диалектизмы», «неологизмы» и пришел к выводам: «все персонажи басен Д. Бедного говорят на общерусском языке» (стр. 144), а сам «Демьян Бедный в совершенстве владел русским литературным языком» (разрядка моя.— А. С.) (стр. 143). В таком же примерно духе дано исследование И. М. Багрянского «К вопросу о языке критических статей и сатирических произведений Н. А. Добролюбова»⁶. Иронично-публицистическая речь критика превратилась по воле автора в плохо систематизированный лексический материал — «сверховославянизмы», «канцеляризм», «книжные» и «просторечные» слова. В заключение И. М. Багрянский уверяет, будто Добролюбов дал превосходные образцы лексики своего языка, проявил «подлинное языковое мастерство» (стр. 122). Не подтвержденные конкретным анализом, эти заверения мало убедительны. Неудачна статья Г. Д. Петрова «Из архаизирующей лексики в историческом романе А. Н. Толстого „Петр Первый“»⁷. Если судить по заголовку, в ней предполагалось осветить одну из актуальных форм словесно-художественной образительности — историческую стилизацию. Вместо этого автор занялся не совсем верной классификацией «форм славянского языка» [*старше, сыне, отче (?)!*; стр. 148] и «архаизмов» [*венегерский кафтан, крапивный кафтан (?)*] и пр.]

Аналогичные недостатки прослеживаются в статьях В. Г. Васильева, М. П. Жоголевой, А. А. Богдановой и В. С. Потапова⁸. Сделав ряд интересных наблюдений над отдельными случаями употребления речевых средств в историко-литературном жанре, авторы не связали содержание своих статей с общей характеристикой языково-стилистических особенностей исторической стилизации. Из работ на данную тему выделяется статья В. В. Степановой «Стилистические приемы использования устаревших слов в языке романа А. Н. Толстого „Петр I“»⁹. Не ограничиваясь указанием на архаизмы в художественном повествовании (*ратник, ландрат, ассамблея* и др.), автор исследует жизнь этих слов в соотносительных стилях литературного языка, например в документально-деловом.

В некоторых статьях словесно-образительное мастерство писателя ставится в прямую зависимость от того, насколько «редко» или «часто» употребляются «измы». Хороший признак, по мнению этих исследователей, если писатель избегает просторечия, диалектизм, заимствований и славянизмов, ибо, с их точки зрения, подобное увлечение может кончиться не иначе, как «нарочитыми эффектами» и «формальными трюками». Общепризнанный художник, допустивший такую «оплошность», в статьях обычно «реабилитируется», например: «... использование диалектизм у В. С. Вишневского... приводило к натурализму. Но это ни в коем случае не говорит о том, что Вишневский

¹ См. в связи с этим его статью «Публицистическая лексика и фразеология в языке Н. Г. Помяловского», «Уч. зап. [Балашовск. пед. ин-та]», т. 2, 1957.

² Уч. зап. [Орехово-Зуевск. пед. ин-та], т. II, вып. 1, 1955.

³ Наукові зап. [Київськ. ун-ту], т. XIV, вип. II, 1955.

⁴ Уч. зап. [2-го ЛГПИИЯ], т. 4, 1956.

⁵ Уч. зап. [Томск. пед. ин-та], т. XV, 1956.

⁶ Труды Узбекск. ун-та, вып. 62, 1956.

⁷ Уч. зап. Каракалпакского пед. ин-та, вып. 1, 1957.

⁸ В. Г. Васильев, О языке «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, «Уч. зап. [Магнитогорск. пед. ин-та]», вып. IV, 1957; М. П. Жоголева, О некоторых особенностях разговорной речи Пугачева в романе Вячеслава Шипкова «Емельян Пугачев», «Уч. зап. [Ульяновск. пед. ин-та]», вып. VIII, 1956; А. А. Богданова, О языке исторического романа В. Шипкова «Емельян Пугачев», Труды IV научной конференции [Новосибирск. пед. ин-та], т. I, 1957; В. С. Потапов, Язык как средство раскрытия образов-персонажей в историческом повествовании В. Я. Шипкова «Емельян Пугачев», «Уч. зап. [Балашовск. пед. ин-та]», т. 2, 1957.

⁹ Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена], т. 130, 1957.

не владел словарным составом русского языка»¹. Можно ли согласиться с таким подходом к языку и слогу художественных произведений? Нет. В основе его лежат не языковые факты, а предвзятые схемы, в частности, ошибочное мнение, будто диалектизмы портят словесную ткань художественных произведений.

Нам хочется напомнить, что в последнем издании сочинений М. А. Шолохова речь донского казачества вновь обрела характерные диалектные особенности. Писатель оказался от тех правок, которые были навязаны ему критиками. В связи с этим утеряли свое значение статьи М. И. П р и в а л о в о й и В. Г. В е т в и ц к о г о, посвященные языковым правкам «Поднятой целины» и «Тихого Дона»². Созданный в настоящее время Союз писателей Российской Федерации ставит перед художниками речи задачу использования во всей полноте словесной сокровищницы народа. Перед русскими писателями открылся широкий простор для привлечения в художественные произведения многообразных форм территориальных различий национальной речи.

Приходится называть и такие статьи, где авторы проявляют недостаточную языковедческую осведомленность, слабую филологическую подготовку. Разве правомерно, например, относить, как это делает Е. П. Д у б р о в и н а³, к диалектизмам в языке молодого Некрасова книжные формы: местоимение *оне*, усеченные прилагательные (*стель песчану*) и наречие *далече*? Столь же неверно в статье С. Н. А с т а ф ь е в о й «Приемы типизации в произведениях В. Н. Полевого»⁴ называть слово *моць* «архаизмом», а украинизмы *дидуць* и *сит* диалектной лексикой (стр. 170).

Нельзя согласиться и с теми исследователями, которые сводят задачи стилистики художественной речи к изучению соотносительных и параллельных лексических средств. Конечно, небезынтересны такие статьи, как «Работа А. М. Горького над лексикой публицистических статей советского периода» М. Я. К р и в о н к и н о й⁵, «Работа К. Тренца над словом Л. А. В е д е н с к о й»⁶, «О языке и стиле повести Б. Горбатова „Непокоренные“» Т. В. О ш а р о в о й⁷, «О работе А. П. Чехова над языком произведений в 90-х — начале 900-х годов» Т. И. П а б а у с к о й⁸, «Место Н. Г. Помыловского в истории литературы и русского литературного языка» С. А х у м я н⁹ и, наконец, «Мастерство Федора Гладкова» А. П. В о л ж е н и н а¹⁰. В них ставится проблема выбора писателем языковых эквивалентов. Поднятый в статьях материал полезен в равной степени для истории литературного языка и национального искусства художественного слова, а также для историко-литературного процесса. Но все дело в том, что располагать черповыми вариантами, отражающими работу писателей над синонимами, не всегда возможно. Среди нескольких десятков статей, содержащих наблюдения над языком художественных произведений, всего лишь шесть посвящены вопросу выбора писателем стилистически соотнесенных друг с другом средств.

Остро выдвигается в современной стилистике вопрос о законмерностях использования в художественных произведениях частей речи, морфологических форм и категорий, а также синтаксических конструкций. Но «Ученые записки» пишут об этом недостаточно. Большинство статей, где рассматриваются выразительные качества грамматических средств, носят комментаторский характер¹¹.

Нам представляется, что метод лингвистического комментирования словесной ткани художественных произведений в известной степени — пройденный этап в науке о языке писателей. Внимание филолога-стилиста должно быть направлено на выяснение общих закономерностей художественной речи и тех языково-стилистических вариаций, которые прослеживаются у отдельных писателей.

Очень немногие авторы выделяют, например, в качестве речевых средств имитации слога народных песен и сказов формы субъективной оценки имен существитель-

¹ М. М. С а в ч е н к о, «Первая Конная» Вс. Вишневского, «Уч. зап. [Балашовск. пед. ин-та], т. 1, 1956, стр. 38.

² См. «Михаил Шолохов. Сб. статей», Л., 1956.

³ Е. П. Д у б р о в и н а, К вопросу о развитии художественного мастерства Н. А. Некрасова в использовании диалектных элементов языка, «Уч. зап. [Арамаасск. пед. ин-та], вып. 1, 1957, стр. 211.

⁴ «Труды Томского ун-та», т. 139, 1957.

⁵ «Уч. зап. Карело-Финск. ун-та», т. V, вып. 1, 1955.

⁶ «Уч. зап. [Ростовского-на-Дону пед. ин-та], вып. 4 (14), 1955.

⁷ «Труды Томского ун-та», т. 139, 1957.

⁸ «Уч. зап. [Латвийск. ун-та], т. XI, вып. 1, 1956.

⁹ «Уч. зап. [Ереванск. русск. пед. ин-та], т. VII, 1956.

¹⁰ «Уч. зап. [МГИИ им. В. П. Потемкина], т. LXX, вып. 1, 1958.

¹¹ См. П. Г. С т р е л к о в, Победа реализма в стиховом языке Лермонтова, «Уч. зап. [Марийск. пед. ин-та], т. IX, 1955; Б. О. Р о м а н, К вопросу о формировании лирического стиля Н. А. Некрасова, «Уч. зап. [Борисоглебск. пед. ин-та], вып. 1, 1956; И. С. В а х р и ч е н к о, Некоторые наблюдения над приемами создания триплетных образов и над языком и стилем романа Л. Леонова «Русский лес», «Труды Прижвальск. пед. ин-та», вып. IV, 1956.

ных, прилагательных, наречий, а также префиксальные глаголы¹. Но обратимся к старинным грамматическим исследованиям, руководствам по теории словесности и красноречию, и станет ясно, что исследователи языка с давних пор последовательно интересовались экспрессивно-изобразительными качествами грамматических средств². Внимание их привлекали: 1) стилистические возможности, заложенные в частях речи (прилагательные и качественные наречия назывались, например, «красочными»); 2) стилистическое использование в художественных произведениях грамматических категорий рода, числа, падежа, времени, вида и наклонений; 3) экспрессивные функции порядка слов в стихе и фразе; 4) изобразительные качества словообразовательных элементов; 5) речевые средства «поэтического синтаксиса» («фигуры тождества» и пр.). Вместо того чтобы дальше разрабатывать эту богатую традицию русской филологии, авторы статей в «Ученых записках» ограничиваются беглыми замечаниями о том, что писатель использует «и грамматические средства»³. А что это за средства и каковы приемы их употребления — читатель не знает.

Среди частей речи как средств художественной изобразительности внимание авторов чаще останавливает глагол, особенно если он выступает как средство динамического повествования⁴, а также отглагольные имена существительные⁵. Есть работы, посвященные экспрессивно-изобразительным качествам грамматических синонимов⁶. Но эту важную для стилистики художественной речи проблему непропорционально сужают: комментируется лишь синонимика прилагательных и определенных-существительных в косвенных падежах. Что касается синонимии разрядов местоимений, инфинитива и личной глагольной формы, предлогов, а также знаменательных слов, принадлежащих к различным частям речи, то она остается, как правило, за пределами исследовательских устремлений. Это происходит, может быть, еще и потому, что большинство такого рода статей принадлежит перу литературоведов. Анализ языка художественных произведений занимает в них «минимальные места». Почти в каждой статье, раскрывающей характеристику персонажей, одна-две страницы отводятся анализу языка. Большая часть замечаний обращена к лексике, меньшая — к грамматическим формам и категориям. Чтобы судить о характере этих замечаний, приведем примеры: «язык мельника чисто разговорный. Эту „разговорность“ придает ему широко применяемый союз *да* в значении „и“»⁷; «постпозитивная частица *то* помогает глубже раскрыть образ старого боярина, мало образованного, но умного и хитрого»⁸. Непонятно, почему в исследованиях с «лингвистическим» названием [см. А. Х и д е ш е л и, Некоторые языковые особенности «Тихого Дона» М. Шолохова⁹, В. И. Б а й к у р о в, Из наблюде-

¹ См. А. И. Ч и ж и к-П о л е й к о, Языковые средства фольклорного колорита в сказах П. П. Бажова «Малахитовая шкатулка», «Труды Воронежск. ун-та», т. 38, 1955; А. И. Ч и ж и к-П о л е й к о и В. В. Т и т о в с к а я, О глаголах с вторичной приставкой [в русском языке], «Труды Воронежск. ун-та», т. 47, 1957; С. Г. Л а з у т и н, Художественная форма русской народной лирической песни, «Труды Воронежск. ун-та», т. XLII, вып. 3, 1955.

² В связи с этим приходится возразить против категорического мнения, будто дореволюционная филологическая наука «стояла в стороне» от изучения языка художественных произведений (см. Ю. Р. Г е п н е р, Лингвистика — детище советского языкознания, «Научн. зап. Харьковск. пед. ин-та», т. XXVIII, 1957).

³ См. А. С у п р у н, О языковой характеристике действующих лиц комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения», «Уч. зап. [Киргизск. заочн. пед. ин-та]», вып. II, 1956.

⁴ См. А. Е. М а р г а р я н, О романе Мариэтты Шагинян «Гидроцентральный», «Уч. зап. [Ереванск. русск. пед. ин-та]», т. V, 1955, стр. 80; Э. И. А л ь б и н а, О стиле публицистики А. Н. Толстого, «Уч. зап. [Киргизск. заочн. пед. ин-та]», вып. II, 1956, стр. 207—208; А. И. Д у д е н к о в а, О некоторых особенностях художественного мастерства А. Н. Толстого, «Доповід та повідомлення Ужгородськ. ун-ту», № 1, 1957, стр. 50.

⁵ См. З. П. Ж а п л о в а, Стилистические функции имен существительных в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, «Уч. зап. [Азербайдж. пед. ин-та]», вып. II, (1956), 1957.

⁶ См. Э. С. В о й н о в а, Стилистическое употребление некоторых грамматических синонимов, «Вопросы русского языкознания» [Львовск. ун-т], кн. 2, 1956.

⁷ См. О. В. А с т а ф ь е в а, Драма Пушкина «Русалка» (Опыт идейно-художественного анализа), «Уч. зап. [Таганрогск. пед. ин-та]», вып. 1, 1956, стр. 108.

⁸ См. Л. А. К и щ и н с к а я, Приемы языковой характеристики образа в романе А. Н. Толстого «Петр Первый», «Уч. зап. [Свердловск. пед. ин-та]», вып. 11, 1955, стр. 48.

⁹ «Труды Тбилисс. ун-та», т. 61, 1956. В этой статье есть лишь одно внешне напоминающее языковедский анализ замечание: «И вот сжатая, спокойная авторская речь прорывается восклицанием: „Отдохнуть бы Григорию, отоспаться!“ Восклицание выражено безличным инфинитивным предложением, которое выражает оттенок желательности» (!?) (стр. 304).

ний над поэтическим мастерством К. Симонова (в стихах 1941—1945 гг.)¹, С. Е. Ш а т а л о в, Стиль Чехова-юмориста², Е. О з м и т е л ь, Стиль сатиры «Окон Роста» В. В. Маяковского³ языково-стилистический анализ отсутствует, а в сугубо литературоведческих работах (см. М. П. Д и ч е н с к о в, Образы рабочих в пьесе А. М. Горького «Враги»⁴, В. Ф. П и п и н с, Рабочий класс Германии в трилогии Вилли Бределя «Родные и знакомые»⁵) уделяется большое место.

Художественное мастерство писателя проявляется не только в речи персонажей и авторском повествовании, но и в таких, например, средствах художественной изобразительности, как пейзаж, композиция, портретные характеристики, музыка и т. д.⁶ Однако если литературовед задался целью охарактеризовать языково-стилистические своеобразие художественного произведения, то, с нашей точки зрения, он должен избежать подмены анализа языка анализом содержания⁷. Не случайно лучшими образцами анализа художественного текста являются именно такие работы, в основе которых лежит языково-стилистический подход к словесной ткани художественных произведений. Укажем на статью С. А. Копорского «Собственные имена в языке писателей-демократов: Н. Успенского, Слепцова и Решетникова»⁸. Ценность ее заключается в том, что истоки «яркой социально-стилистической окраски» собственных имен автор видит в особенностях смыслового объема и морфологической структуры этих слов, в контаминация номинативного и образно-переносного значений. Прием использования фамилий для социальной характеристики персонажа довольно популярен в художественных произведениях⁹. На него неоднократно обращали внимание и филологи. Но для С. А. Копорского фамилия персонажа — это не содержание, как понимается она в статье Д. Мгеладзе и Н. Колесникова «Собственные имена в рассказе А. П. Чехова»¹⁰, а слово, языковой материал.

Испытанным приемом создания художественных образов является метафорическое словоупотребление. Эпитеты и метафоры с давних пор занимали в поэтике видное место. «Традиционными украшениями» стиля, «тропами» именовались они в старинных руководствах по риторике и теории словесности. Рецензируемые статьи не прибавляют в изучении тропов нового к предшествующей традиции. Как и раньше, в тропах выделяется лишь их предметно-логическое содержание, а не языковая оболочка¹¹. Авторы предпочитают классифицировать эпитеты и метафоры по рубрикам: звуковые, цветные, пространственные и т. д.¹², но забывают о том, что троп — это прежде всего факт языка.

¹ «Уч. зап. [Киргизск. женск. пед. ин-та], вып. 2, 1957.

² «Труды Узбекского гос. ун-та», вып. 72, 1957.

³ «Уч. зап. [Киргизск. заочн. пед. ин-та], вып. III, Русский язык и литература, 1957.

⁴ «Научки записки [Ворошиловградск. пед. ин-та], вып. V, 1956.

⁵ «Уч. зап. [Кабардинск. пед. ин-та], вып. 9, 1956.

⁶ См. об этом: В. И. Баранов, Вопросы художественного мастерства в эстетике А. Н. Толстого, «Уч. зап. Горьковск. ун-та», вып. 39, 1957; В. Г. Одинокоев, Художественные особенности трилогии Л. Н. Толстого, «Труды IV научной конференции [Новосибирск. пед. ин-та], т. I, 1957; А. Н. Мензоров, О роли пейзажа и музыки в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо», там же; А. В. Терновский, О художественном мастерстве Н. Йогодина, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина], т. СIII, вып. 1, 1957.

⁷ См. Ф. В. Попов, Противопоставления в языке памфлетов (1906—1907) А. М. Горького, «Уч. зап. [Магнитогорск. пед. ин-та], вып. IV, 1957.

⁸ «Уч. зап. [МОПИ], т. XXXV, вып. III, 1956.

⁹ См., например, З. П. Жалова, Стилистические функции имен собственных в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, «Уч. зап. [Азерб. пед. ин-та], вып. V, ч. 1, 1957.

¹⁰ «Труды [Тбилиск. ун-та], т. 61, 1956.

¹¹ См., например, И. А. Федосов, О сравнениях в романе А. М. Горького «Мать», «Уч. зап. [Ростовск.-на-Дону ун-та], т. LI, вып. 5, 1957; С. А. Савицкая, Афоризмы А. М. Горького в его публицистических произведениях, «Традиц. Одесского ун-та», т. 147, вып. 6, 1957; А. С. Борисевич, О некоторых свойствах и функциях косвенных обозначений, «Уч. зап. [Шахтинск. пед. ин-та], т. I, вып. 2, 1956; В. И. Корovin, Наблюдения над метафорой и сравнением в лирике М. Ю. Лермонтова 1834—1841 годов, «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина], т. CXV, вып. 7, 1957. Противопоставляя г и п е р б о л и ч и е м метафоры Лермонтова вещественным метафорам Пушкина, автор последней статьи не указывает на языковые и стилистические черты этих категорий.

¹² См. Е. А. Есяя, Пейзаж в ранних реалистических рассказах Горького, «Уч. зап. [Ереванск. русск. пед. ин-та], т. VII, 1956, стр. 203. См. также Я. А. Назаренко, Творческая история и идейно-художественное значение «Весенних мелодий» и «Песни о Буревестнике» А. М. Горького, «Уч. зап. [Могилевск. пед. ин-та], вып. II, 1956. В этой статье перечисляются использованные писателем многочисленные олицетворения-метафоры: *ветер тучи собирает, тучи слышат*, глаголы: *стонать, метаться, прыгать*, но лексико-грамматическая база, обусловившая стилистические оттенки в этих словах-действиях, остается нераскрытой.

Автор одной статьи полемизирует с литературоведами по вопросу, является ли эпитет «термином грамматическим и стилистическим или только стилистическим»¹. Но поскольку в основе изобразительных качеств эпитета лежит синтез семантических, морфологических и синтаксических показателей, то разговор о нем как о средстве словеснохудожественной изобразительности следует, по-видимому, начинать с характеристики его лексико-грамматических свойств. Грамматическое и стилистическое сливается в эпитете в одно целое².

Односторонне в ряде случаев решается вопрос о факторах, влияющих на отбор писателем языковых средств. Состав языка и характер слога художественного произведения обусловлен, как известно, рядом обстоятельств: мировоззрением писателя, характером предмета описания, степенью осведомленности писателя в этом предмете (с романы Мельникова-Печерского, Мамина-Сибиряка, сказы Бажова и пр.), а также индивидуальным чутьем языка. Все эти факторы взаимосвязаны, но в ряде статей отбор речевых средств писателем рассматривается как «идеологический фильтр языковых элементов»³, как «отражение мировоззренческих позиций писателя»⁴. Такая точка зрения содержит элементы социологизации, она подрывает основы научного анализа словесной ткани художественных произведений. Для советских писателей характерно единое марксистско-ленинское мировоззрение. Но кто решится сказать, что выдающиеся произведения нашей литературы аналогичны по составу и приемам употребления речевых средств?

Отожествление формы и содержания дает повод некоторым авторам выдавать свои собственные соображения за намерения писателя. Б. А. Б а з и л е в с к и й в статье «О работе Л. Н. Толстого над языком рассказов для детей» своеобразно мотивирует поправки, сделанные Л. Толстым в рассказе «Пожарные собаки»: «Шаблоны, мало-выразительные слова *обрадовалась и стала целовать*, Толстой заменяет динамичным выражением, в котором чувствуется сила материнской любви: (!?) *Она бросилась к дочери*»⁵.

В статьях о языке и стиле писателей ставится также вопрос о роли «языкового лейтмотива» или таких словесно-художественных образов, которые наиболее характерны для речевого строя того или иного произведения. Однако некоторые исследователи, в том числе Э. Г. Ризель, понимают его несколько схематично, как «повтор слова, оборота, предложения или целого абзаца на протяжении всей речи»⁶. Выводы Э. Г. Ризель подтверждаются работами других авторов. С. А. Савицкая, например, считает, что каждое направление в литературе (классицизм, сентиментализм, романтизм и реализм) характеризуется своим, присущим только ему «языковым лейтмотивом». У поэтов-сентименталистов он выражался прилагательными *грустный, томный*, у романтиков — *умный, угрюмый, скорбный и роковой*⁷.

На наш взгляд, типичным образцом речевого лейтмотива являются словесные образы, запечатленные прежде всего в заглавиях художественных произведений: «Вешние воды», «Дым», «Гроза» и пр. Стилистическое своеобразие этих слов обусловлено тем, что они «обращены, — как свидетельствует акад. В. В. Виноградов, — не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в строй того же произведения»⁸. В качестве примера, иллюстрирующего это положение, можно указать на образное, глубоко обобщенное употребление слова *чайка* в известной чеховской пьесе.

Следует сказать, что в статьях Д. Д. Ильина «Некоторые проблемы поэтического словоупотребления»⁹, Н. В. Юстратовой «О некоторых особенностях стиля Чехова»¹⁰, В. И. Корovina «Наблюдения над метафорой и сравнением в лирике М. Ю. Лермонтова 1837—1841 годов»¹¹, вопрос о языковом лейтмотиве затрагивается именно в плане сращения слов («Огонек» у Исаковского, «Степь» у Чехова и «Листопад» у Лермонтова) с образно-речевой структурой контекста.

¹ В. А. Паутинская, Об использовании термина «эпитет», «Уч. зап. [4-го МГПИИЯ], т. X, 1956, стр. 123.

² Интересный материал об эпитете как языково-стилистической категории излагает Л. К. Бобылева в статье «Об эпитете» («Уч. зап. [Дальневост. ун-та], вып. 1, 1957).

³ Г. И. Шкляревский, Некоторые вопросы анализа языка и стиля художественной литературы, «Уч. зап. [Харьковский ун-ту], т. 3, 1956, стр. 119.

⁴ С. А. Савицкая, Язык художественных произведений, «Труды [Одесск. ун-та], т. 146, вып. 5, Киев, 1956, стр. 90.

⁵ «Уч. зап. [Калужск. пед. ин-та], вып. 2, 1954, стр. 57.

⁶ Э. Г. Ризель, О так называемой архитектурной функции языково-стилистических средств, «Уч. зап. [4-го МГПИИЯ], т. X, 1956, стр. 155.

⁷ С. А. Савицкая, Язык художественных произведений, стр. 93.

⁸ В. В. Виноградов, Язык художественного произведения, ВЯ, 1954, № 5, стр. 18.

⁹ «Труды Среднеазиатского ун-та», вып. LXIX, кн. 8, 1955.

¹⁰ «Уч. зап. [Кишиневск. ун-та], т. XXII, 1956.

¹¹ «Уч. зап. [МГПИ им. В. И. Ленина], т. СХV, вып. 7, 1957.

Несколько замечаний вызывают термины, которыми пользуются исследователи языка и стили писателей. Стилистика художественной речи как оформляющаяся филологическая наука испытывает острую потребность в упорядоченной терминологии. Но в «Ученых записках» понятия стилистического, стилевого, эмоционального, экспрессивного, оценочно-экспрессивного, изобразительного, оценочно-характеристического, выразительного, эмоционально-выразительного лишены терминологичности. В любое наиболее «ходовое» слово, например *экспрессия*, *эмоциональность*, *стилистика*, *стилистическая окраска* и др., вкладывается самое противоречивое содержание. Да и может ли, в самом деле, терминологизироваться слово *экспрессия*, если его будут связывать с двумя понятиями: «социально-стилистика оценки?»¹ и «социально-стилистика оценки?» Бросается также в глаза различное понимание термина «эмоциональность речевых средств». В активном словаре исследователей художественной речи часто используются «красивые», но малозначащие слова и выражения: *замечательная простота*, *кристаллическая ясность*, *свежесть* и *неподдельная образность*, *целомудренная правдивость*, *крепость*, *энергичность* и др. К ним добавляется определение — *точный* (ср. выражение: «стиль ясного и точного» (разрядка моя. — А. С.) воспроизведения жизни»²). Возникает вопрос, как вообще понимать *точность* языка художественной литературы? Аналогично ли это понятие тому, какое характеризует стили научного изложения? Думается, что писатели вкладывают в понятие точности языка иное содержание, нежели ученые. И вообще, хочется пожелать авторам быть сдержанней на «эмоции» в оценке кропотливой работы писателей. В статье Е. А. М а й м и н а «Некоторые вопросы художественного мастерства на материале романа Л. Н. Толстого „Воскресение“»³ выражение «Репенюк, девочка с золотыми длинными локонами и голыми ногами» (а не «ножками», подчеркивает Е. Маймин) сопровождается длинным рядом «эпитетов»: «удивительно своеобразное, новое, художественно убедительное и правдивое» (стр. 128).

Данью традиции является неправомерное употребление в «Трудах» слова *язык* применительно к действующему лицу произведения⁴. Сюда более подходит выражения: *речь*, *речевая характеристика*. В связи с этим следует сказать о приемах раскрытия речевой характеристики действующих лиц. Отправной точкой служит обычно замысел писателя, его идеология. Возьмем, например, статью литературоведа Н. В. К а р ц о в а «Язык комедии Салтыкова-Щедрина „Смерть Паузухина“»⁵. В ней подвергается анализу речь некоторых действующих лиц, в том числе Прокофия. Последний груб, невежествен, значит, рассуждает исследователь, и говорить он должен соответствующим образом. Отсюда употребляемые им выражения: *ни гуеу*, *ин будет с тебя*, *чорт*, *ведьма* и т. д. Не слишком ли схематичен и прямолинеен такой анализ? Тем более, что в таком духе, как по трафарету, можно характеризовать речь десятков литературных персонажей: Простакова, Скалозуба, Дикого и др.

В статье языковед М. К. М и л ы х «Язык художественной прозы. (Некоторые приемы индивидуализации языка персонажей)»⁶ сравнивается речь Марьи и Феклы из «Мужиков» Чехова. Но приемы анализа те же, что и в статье литературоведческой. Автор рассуждает: одна женщина — натура мягкая, забитая, следовательно, речь ее трудно представить без уменьшительной лексики (*редименькие* и пр.). Другая — женщина злая, грубая. В соответственном тоне выдержана и ее речевая характеристика.

А между тем лингвист должен начинать свой анализ не с содержания, а со способов его выражения. В. В. Виноградов подчеркивает, что языковед должен найти или увидеть замысел посредством тщательного анализа самой словесной ткани литературного произведения⁷. В этом плане заслуживает отметки статья Н. А. Р у д я к о в а «О средствах и приемах речевой характеристики персонажей в романе М. Шолохова „Тихий Дон“»⁸. Автор анализирует не характеры действующих лиц, а *языковые средства*, в которых выражаются психологические свойства, социальная принадлежность и мировоззрение персонажей.

Последнее наше замечание касается требований к статьям, поступающим в редакцию «Ученых записок» и «Трудов».

¹ См. Н. Н. Амосова, К вопросу о лексическом значении слова, «Вестник Ленингр. ун-та», 1957, № 2, вып. 1.

² В. Б. Бродская, Язык и стиль романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история», «Вопросы славянского языкознания» (Львовск. ун-т), кн. 4, 1955, стр. 209.

³ «Уч. зап. [Вятбургск. пед. ин-та]», т. 1, вып. 1, 1957.

⁴ См. О. В. Астафьева, Драма Пушкина «Русалка»; В. Л. Богородский, О языке и стиле романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого», «Уч. зап. [ЛГПИ им. А. И. Герцена]», т. 122, 1956.

⁵ «Уч. зап. [Липецк. пед. ин-та]», вып. 1, 1956.

⁶ «Уч. зап. [Ростовск.-на-Дону ун-та]», т. LII, вып. 5, 1957.

⁷ В. В. Виноградов, Общие проблемы и задачи изучения языка русской художественной литературы, стр. 410.

⁸ «Праці Одеського ун-ту», т. 147, вып. 6, 1957.

Часть статей является главами недавно или только что написанных диссертаций¹. «Ученые записки», разумеется, могут и должны печатать разыскания диссертантов, но целесообразнее печатать не весь материал диссертации, а лишь отдельные из нее места с наиболее оригинальными наблюдениями, ценными для науки о языке писателей материалом и выводами.

Необходимо прежде всего устанавливать, какими новыми сведениями обогащает статья курс истории литературного языка, теорию словесно-изобразительного искусства или историю литературного процесса. Следует поощрять, с нашей точки зрения, работы, посвященные малоизученным вопросам, например «Об использовании неассимилированной иноязычной лексики в произведениях Пушкина» В. В. Макарова², «Терминологічна лексика (літературознавча і новознавча) в критико-публіцистичній прозі О. С. Пушкіна» С. Е. Вайтуба³, «Язык и стиль П. И. Мельникова-Печерского в оценке русской критики» Д. А. Маркова⁴, «К проблеме изучения публицистического стиля» И. М. Подгаецкой⁵ и т. п. Но нередко работы комплиментные, без оригинальных наблюдений. К таким можно отнести статьи В. А. Савельева «Борьба Н. В. Гоголя против жаргонизмов в русском языке»⁶, М. А. Пустыниной и Ковой «Н. В. Гоголь — борец за народную основу русского литературного языка»⁷. Студенту, особенно заочнику, полезно прочесть их перед экзаменом по истории русского литературного языка. Однако новых сведений, дополняющих соответствующие разделы учебных пособий, публикуемые материалы не дают. Думается, что такие статьи недостаточно отражают характер и направление научной работы в высших учебных заведениях.

Плохой пример показывают «Ученые записки Узбекского ун-та» (1957, вып. 72), напечатавшие три пространнейшие статьи одного и того же автора, С. Е. Шаталова. Написанные с претензией на образцовый «стилистический» анализ, эти работы, в особенности «Стиль Чехова-юмориста» и «О ритме повествования Н. Г. Помилловского», отмечены большим субъективизмом в подходе к художественному тексту.

Заканчивая обзор, следует подчеркнуть, что в недостатках тех статей, которые посвящены вопросам стилистики художественной речи и опубликованы в «Ученых записках» и «Трудах», частично отражается и состояние самой науки о языке писателей в целом. Вывод один: языковеды-стилисты должны направить свои усилия на выявление закономерностей образного словоупотребления, прочно утвердить в стилистике художественной речи плодотворный принцип историзма.

А. В. Степанов

¹ М. Шелякин, Тургенев о словоупотреблении в художественном произведении, «Уч. зап. [Таллинск. пед. ин-та]», т. I, вып. 1, 1957; М. Морлов, Научно-техническая и профессиональная терминология в сочинениях Н. Г. Помяловского, «Уч. зап. [Ростовск.-на-Дону ун-та]», т. LXIV, вып. 5, 1957; е го ж е, Семинарские слова в произведениях Н. Г. Помяловского, там же.

² «Уч. зап. [Калининск. пед. ин-та]», т. XIX, вып. 2, 1957.

³ Наукові записки Кам'янець-Подільського пед. ін-та», т. 4, вып. 1, 1956.

⁴ «Уч. зап. [МОПИ]», т. XLVIII, вып. 4, 1957.

⁵ «Уч. зап. [Южно-Сахалинск. пед. ин-та]», т. I, 1957.

⁶ Наукові записки [Полтавськ. пед. ін-ту]», т. IX, 1957.

⁷ «Уч. зап. Петрозаводск. ун-та», т. VI, вып. 1, 1957.